

УДК 1(091)

Л. А. Мальцев

**ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОГНОЗЫ Н. А. БЕРДЯЕВА
В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИИ
Г. ХЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО**

Исследуется опыт обращения Г. Херлинга-Грудзиньского к философии истории Бердяева, осмысление и переосмысление идеи «нового средневековья». Прослеживаются сходства и различия апокалиптического типа мышления русского философа и польского писателя.

The article analyses the reference of Gustaw Herling-Grudziński's to Berdyayev's philosophy of history and the interpretation and reinterpretation of "The New Middle Ages". The author defines the differences and similarities of the apocalyptic thinking of the Russian philosopher and the Polish writer.

Ключевые слова: философия русского зарубежья, историософия, концепция «нового средневековья», апокалиптический тип сознания, метафорический (параболический) стиль мышления.

Keywords: Russian philosophy abroad, historiosophy, "The New Middle Ages" concept, apocalyptic mentality, metaphorical (parabolic) thinking.

В труде «Новое средневековье» (1924) Бердяев дает философско-исторический прогноз судеб России и Европы. Опираясь на идею циклического развития истории, в русской мысли XIX века обоснованную Данилевским, а в западноевропейском сознании XX века Шпенглером, Бердяев разрабатывает концепцию, смысл которой сводится не к «реставрации», а к своеобразному «ренессансу» Средневековья в его ценностных ориентирах, способных преодолеть программу катастрофического падения современной цивилизации. Бердяев во многом опирается на идеи Шпенглера, но ставит под сомнение пессимистическое задание его мыслительной парадигмы, намечая «пути выхода из мирового кризиса» [2, с. 407].

Философско-историческая концепция Бердяева многогранна и неоднозначна. С одной стороны, верные диагнозы (банкротство «секулярной» цивилизации с ее «мамонизмом», необходимость лечения пороков современного общества посредством нового самоограничения — «путем нового аскетизма» [2, с. 422]). С другой — утопические предсказания (например, о процветании в новую эпоху крестьянства, об особой роли профсоюзов, наконец, — о том, что якобы церковь перейдет от «храмового» к «космическому» периоду истории [2, с. 430]). Концептуальным моментом, сводящим воедино пророческие и утопические прогнозы Бердяева, является тезис о неизбежной «религиозной борьбе, религиозной поляризации, выявлении предельных религиозных начал», о новой «эпохе обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал Христовых и начал антихристовых...» [2, с. 414]. В условиях «поляризации» духа особую роль Бердяев отводит России, русскому харак-

теру, формулу которого мыслитель вывел в одной из предыдущих работ «Духи русской революции» (1918): «Русский же — апокалиптик и нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» [1, с. 260]. Апокалиптика и нигилизм, по Бердяеву, не только есть полюса «русскости», но и могут стать полюсами общеевропейского «новосредневекового» сознания.

В рассматриваемом труде обращает на себя внимание художественная (метафорическая) проекция философско-исторических прогнозов Бердяева. Средневековье, и старое и «новое», есть, по мыслителю, «ночная» эпоха, в которой стираются дневные очертания предметов, но приоткрывается тайна предназначения человека в мироздании. Певцом и «вестником» ночи в русской и мировой классике, по Бердяеву, стал Тютчев, натурфилософской лирике которого мыслитель дает историософскую интерпретацию. Двустипшие из «Снов» Тютчева, приведенное у Бердяева рефреном («...И мы плывем, пылающею бездной / Со всех сторон окружены» [2, с. 409]), возможно, намекает на символический подтекст недавнего путешествия на борту корабля «Обербурггомистр Хакен» («философского парохода»), когда позади осталась Россия, ввергнутая в революционный хаос, а впереди — Западная Европа в период между войнами, самыми разрушительными и кровавыми в истории.

Бердяев говорит о ритмической повторяемости «ночных» эпох, не отождествляя, но метафорически приближая друг к другу Средневековье и современность, проводя аналогию между крахом Древнего Рима и гибелью Российской империи. Метафора «ночи» Средневековья, созданная Бердяевым, оказалась плодотворной для художественных открытий XX века, например для польского писателя Густава Херлинга-Грудзиньского (1919–2000), наследие которого дает образцы «средневековых» парабол, основанных на «изоморфном» [3, с. 267] сближении прямых и иносказательных сюжетов и персонажей соответственно из новейшей и средневековой истории.

Если Бердяев в «Новом средневековье» называет поэтом ночи Тютчева, то Херлинг-Грудзиньский, в свою очередь, в очерке «Призраки революции» (1969) метафорически характеризует «ночное» видение истории по Бердяеву: «Бердяев бродит во мраке, покрывающем Россию, кружит, отходит назад, забегает вперед, повторяет неустанно одно и то же, говорит то громоподобным голосом, то отчаянным шепотом, проклинает и закликает, смешивает инвективы и анафемы с молитвенными воззваниями...» [7, с. 257]¹. Хотя речь в очерке дальше идет о «Духах русской революции» Бердяева, эта цитата содержит в сжатом виде идейную проблематику и метафорическую изобразительность «Нового средневековья», с которыми Херлинг соотносит, во-первых, скрытую цитату из Мицкевича «Мрак покрывает землю...» [10, с. 125], а во-вторых, сюжет повести-параболы Ежи Анджеевского «Мрак покрывает землю» (1956), название которой является явной цитатой из «Дзядов» великого польского поэта. И несмотря на то, что Херлинг-Грудзинь-

¹ Перевод с польского здесь и далее Л. М.

ский не обращается непосредственно к аналитическому разбору «Нового средневековья», именно этот текст Бердяева, как мы докажем, играет ключевую роль в художественно-историософском наследии польского писателя.

Само название «Дневника, писавшегося ночью» (1971–2000) Херлинга-Грудзиньского предположительно обращено к прогнозам Бердяева, тем более что первая запись «Дневника...», в которой говорится о бунте матросов Кронштадта 1921 года, дает не авторизованную цитату из Бердяева: XX век называется «нашим новым средневековьем» [5, с. 144], здесь же говорится о полярном мирозерцании, вобравшем страх перед концом света и надежду на спасение, после чего дается ссылка на «средневековый» рассказ-параболу Херлинга «Второе пришествие» (1960). Как и Бердяев, Херлинг считает XX век «ночной» эпохой, приносящей и угрозу «архитектонических» сдвигов с необратимыми последствиями², и надежду на духовное возрождение. Здесь нельзя не привести цитаты из Бердяева, часть из которых могла бы стать, по сути, эпиграфом к «Дневнику...»: «По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную. Это чувствуют наиболее чуткие люди» [2, с. 408]. И далее: «Ночь метафизичнее, онтологичнее дня. Дневной покров не только в природе, но и в истории не прочен, он легко срывается, в нем нет глубины. И весь смысл нашей эпохи, столь несчастливой для внешней жизни отдельных людей, в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии “наследья рокового”» [2, с. 409].

Следуя в русле идей Бердяева, Херлинг-Грудзиньский размышляет о «ночной» специфике творческого процесса. Если Бердяев говорит о «ночных» поэтах Тютчеве и Блоке, то Херлинг намекает на «ночную» природу романа. По Херлингу, свечи или керосиновые лампы «давали романисту иное, загадочное измерение человека», тогда как «лампочка рассеивала полумрак, создавая мелкую и плоскую иллюзию однозначности». Замена свеч и керосиновых ламп электричеством довела, согласно образному видению писателя, до эсхатологических деклараций «смерти романа». Грудзиньский обращает внимание и на «ночную» живопись Рембрандта, Караваджо, Латура. Говоря о «ноктюрнах» Жоржа Латура, автор видит в них «чудо чистоты ночных раздумий над “всеми нашими дневными вопросами”». Глубину образов «надлежит приписать в определенной мере истории»: войнам, эпидемиям, массовым смертям, пронесшимся по Лотарингии в годы жизни художника [5, с. 170–171].

Существует, по Грудзиньскому, также особый тип «ночного» дневника. С «ноктюрнами» Латура, картинами «мигающей свечи в полумраке ночи» [5, с. 171] автор сближает дневник «Примириться с миром» польского писателя Эдварда Стахуры как «причудливое соединение двух образов: человека, молящегося все тише и тише Богу... догорающей свечи, которая перед погасанием сверкает высоким, стрельча-

² Впоследствии «Дневник...» получил другое, неофициальное, название — «Дневник, написанный под Вулканом».

тым пламенем» [6, с. 61–63]. «Ночное» творчество, или творчество на границе дня и ночи, по Грудзиньскому, имеет экзистенциальный характер поисков ответа на «последние», фундаментальные вопросы бытия, в чем и состоит глубинный смысл названия «Дневника, писавшегося ночью».

Средневековье, старое и «новое», определяется, по Бердяеву, эсхатологической поляризацией сознания, однозначным выбором между служением Христу и антихристу, между апокалиптикой и нигилизмом. Те же полюса Бердяев выделяет, размышляя о русском национальном характере, и Херлинг-Грудзиньский, «самый „русский“ польский писатель» [11, с. 290], остается в «координатах» этой историософской парадигмы, хотя, по мнению польского критика Е. Беньковской, Херлинг сохраняет скептическую дистанцию по отношению к идеям Бердяева («Оба эти полюса (апокалиптика и нигилизм. — Л.М.) не вызывают симпатии у писателя, хотя и обнаружит он в поздние годы определенные апокалиптические склонности, предвидя возможный конец цивилизации, в том числе конец католической церкви» [4, с. 60]). Однако, цитируя или парафразируя Бердяева, Херлинг не дистанцируется от его прогнозов, наоборот, считает их важным руководством при подведении итогов XX века. Более того, писатель полагает, что феномен поляризации свойственен не только русскому сознанию, нигилистическим болезням подвержены и представители западной цивилизации, например, благополучной Швейцарии (например, в рассказе «Пожар в Сикстинской капелле лета Господня 1998» (1984)).

Механизм функционирования эсхатологических «полюсов» средневекового сознания Херлинг-Грудзиньский прослеживает в рассказе «Второе пришествие», действие которого происходит в Италии 1260 года. Согласно Иоахиму Флорскому, это год исполнения пророчеств, «зашифрованных» в Апокалипсисе — грядущего пришествия спасителя и начала эры Святого Духа. Однако события в течение года приносят непрерывные бедствия в виде эпидемий, костров, факельных шествий. Раздел I («Эпидемии, хрупкость человеческой жизни...» и т.д.) дает обзорную картину катастрофических судорог Средневековья и аллегория XX века. Изображая разруху, запустение как «плоды» фанатической иступленности духа, требования единомыслия и нетерпимости к инакомыслию, Херлинг-Грудзиньский текстуально приближается к Достоевскому, которого Бердяев считал пророком «нового средневековья», парафразирует сон-катастрофу Раскольникова из романа «Преступление и наказание».

В образном видении Херлинга-Грудзиньского, человек «распят» между смертью и надеждой на воскресение, он может быть (опять «по Достоевскому») и преступником, и святым: «Еще никогда человек не показал в таких крайностях своего природного ничтожества, сплетенного с вечной, вечно ненасытной тоской по ангельскому состоянию» [8, с. 161], — что полностью соответствует тезису Бердяева об эсхатологической поляризации средневекового сознания.

По Грудзиньскому, апокалиптика предполагает не столько страх перед концом света и страшным судом, сколько упование на второе пришествие как одновременный акт милосердия и правосудия. Апокалиптическому сознанию, считает польский писатель, свойственно не мстительное ожидание суда над миром, погрязшим в грехах, а оптимистическая, «светлая» тональность, свобода от ненависти, в противоположность нигилистическому сознанию. Именно этим смыслом определяется максима: «Люди внутренней чистоты и веры ждут второго пришествия. Мир всегда будет идти таким чередом, что мы будем ждать второго пришествия» [12, с. 18 – 19].

Согласно толкованию Грудзиньского, в пророчество второго пришествия, как и в философско-исторический прогноз «нового средневековья», вписана концепция циклической повторяемости событий. Путь Христа – поругание, муки и смерть, посмертные чудеса как знаки Божественного избрания жертвы – проходит главный герой рассказа анонимный аббат из Больсены. В конце повествования говорится, что «тот, кого ждали, пришел». Однако пришедший – не судия, грядущий по облакам. Он вновь подсудимый, причисленный к еретикам. Христос приходит вновь, чтобы быть распятым. Люди корят себя в его гибели, страшатся наказания, воздвигают храмы, но, по существу, не меняются. По Грудзиньскому, урок нового пришествия, как и «нового средневековья», в том, что оно не ставит точку в истории, а оборачивается минутным прозрением, после чего люди возвращаются к своим, увы, неправедным делам. Истина во всей полноте открывается только «людям внутренней чистоты и веры».

Отличие художественной оптики Херлинга-Грудзиньского от историсофских позиций Бердяева – в повышенной мере пессимистических настроений. Для русского мыслителя эпоха Средневековья, безусловно, была трагичной (нет «слияния» позиции Бердяева с идеализацией Средних веков романтиками), но и духовно благодатной. Вопрос о том, возобладает ли в эпоху «нового средневековья» положительный или отрицательный «полюс» человеческого духа, Бердяев оставляет за будущим. XX век, по Грудзиньскому, чреват крайним усилением нигилистических, разрушительных тенденций, апокалиптика как стремление к идеалу вопреки нормативной посредственности мещанской цивилизации сказывается, как и в «старом» Средневековье, в единичных примерах, но не в массовом сознании. Причем апокалиптическое сознание, запечатленное в классических «текстах» мировой культуры, нередко приносится в жертву современному нигилизму (по сюжету фантастико-антиутопического рассказа «Пожар в Сикстинской капелле...», безумствующий фанатик Каспар Траузиг сжигает фреску «Страшный суд» Микеланджело).

Труд Бердяева «Новое средневековье» представляется своеобразным манифестом надежды русского мыслителя, недавно оказавшегося в эмиграции, для которого, казалось, события в России и мире не давали повода для оптимизма. Надежда играет огромную роль и для Херлинга-Грудзиньского (польский писатель считает надежду неотъемле-

мой собственностью человека, солидаризируясь с мыслью Достоевского о том, что «нельзя жить без надежды»), однако в его художественном видении надежда граничит с отчаянием, иногда переходя в него («Божественно в нас лишь одно: сила Надежды, которая выражается даже силой отчаяния» [6, с. 147]).

Один из прогнозов Бердяева не просто созвучен трагическому пафосу творчества Херлинга-Грудзиньского, но будто бы имеет к нему прямое отношение: «Ощущение зла должно стать сильнее и острее в новом средневековье» [2, с. 437]. Действительно, называя себя «портретистом зла» [9, с. 4], польский писатель полагает, что зло в XX веке обрело невиданные формы и масштабы, поэтому утверждает необходимость «ночного» зренья, распознавания зла в его корнях, что само по себе небезопасно, но, как считает писатель, жизненно необходимо в современном мире.

Таким образом, апокалиптический тип сознания является важным фактором обращения Херлинга-Грудзиньского к традициям русской культуры. Наследие Бердяева играет ключевую роль в диалоге польского писателя с русской литературой и философией, в его опыте русско-польской взаимности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
2. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
3. Приходько Т. Ф. Парабола // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
4. Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa, 2002.
5. Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1971–1972. Warszawa, 1996.
6. Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1980–1983. Warszawa, 1996.
7. Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Godzina cieni. Warszawa, 1997.
8. Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Skrzydła ołtarza. Warszawa, 1997.
9. Herling-Grudziński G. Portrecista zła // Życie Warszawy. 7 października 1996.
10. Mickiewicz A. Dziady // Mickiewicz A. Dzieła poetyckie. Warszawa, 1982. Т. 3.
11. Podgórzec Z. „Rosyjskość” Herlinga-Grudzińskiego // Herling-Grudziński i krytycy. Lublin, 1997.
12. Rozmowy na koniec wieku – 2. Warszawa, 1999.

Об авторе

Л. А. Мальцев — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, lamaltsev23@mail.ru.

About author

Dr. L. Maltsev, Associate Professor, IKSUR, e-mail: lamaltsev23@mail.ru.

